

Спорная экспертиза

Алексей Кузнецов

Деятелей первых десятилетий Судебной реформы волновала не только юридическая, но и нравственная сторона правосудия. В этом с ними была согласна передовая часть общества, а газеты и журналы не раз брались бурно обсуждать, насколько в том или ином судебном процессе соблюдены моральные нормы.

«Груба жизнь!»

Молодая девушка, недавняя выпускница Смольного института благородных девиц Елизавета Черемнова, бредила сценой. В те годы до отношения к театру как к «храму искусства»

▼ Вера Комиссаржевская в роли Нины Заречной в спектакле Александринского театра «Чайка» по пьесе Чехова. 1896 год

было ещё довольно далеко. Актёр воспринимался «приличной публикой» как обслуживающий персонал. Отсюда и отношение — на молодую женщину-актрису смотрели как на куртизанку. Вспомним горькие слова Нины Заречной из последнего акта «Чайки»: «Завтра рано утром ехать в Елец в третьем классе... с мужиками, а в Ельце образованные купцы будут приставать с любезностями. Груба жизнь!» Елизавета Черемнова о «грубости жизни» ещё не подозревала, как не знала о ней до поступления на сцену чеховская героиня.

Дебютом Елизаветы стала роль Ольги Павловны в пьесе Соллогуба «Сотрудники». Роль 17-летней девушки,

▲ Ресторан «Эрмитаж». Открытка 1902 года

недавней выпускницы пансиона, кокетливой, любящей театр и мечтающей о «взрослой» жизни, была как будто списана со «смолянки» Черемновой; судя по всему, она имела успех.

После того как отзвучали аплодисменты, начинающей актрисе представился московский нотариус Николай Назаров. Напирая на традицию «взрослых» театров отмечать премьеру кутежом, он пригласил Черемнову в ресторан «Эрмитаж», пообещав присутствие на ужине «узкого круга друзей». Друзей «не случилось», ужин накрыли в отдельном номере,

Ресторан «Эрмитаж» располагался на углу Трубной площади; сегодня это здание занимает театр «Школа современной пьесы». Некоторое время шеф-поваром в нём служил легендарный Люсьен Оливье. При ресторане имелась гостиница с «нумерами», нередко использовавшимися для «свиданий» после застолья.

который был заранее обработан наркотическим веществом. Иными словами, Назаров действовал как циничный и опытный соблазнитель. План его вполне удался и сошёл бы ему с рук, если бы он не возжелал «продолжения банкета». На следующий день Черемнова, понимавшая, сколь двусмысленной выглядит ситуация и уже решившая не поднимать шума, получила анонимное письмо, в котором автор настаивал на продолжении «отношений» под угрозой огласки. Черемнова обратилась к властям с заявлением об изнасиловании.

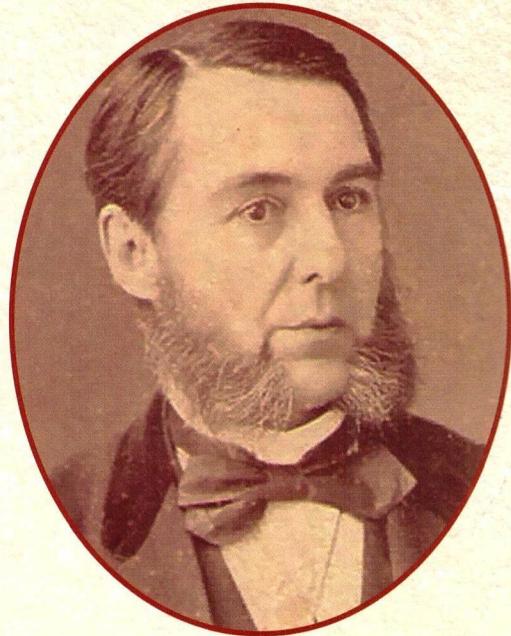
▼ Храм Христа Спасителя. Фото 1891–1892 годов

Назаров свою угрозу исполнил, хотя и далеко не сразу: через подставное лицо он опубликовал в газете «Московский листок» двусмысленное стихотворение о девушках нетвёрдых моральных устоев, содержавшее прозрачные намёки, и потрудился разослать экземпляры знакомым Елизаветы. Дело было возбуждено, но девушку это не спасло, она покончила с собой выстрелом из револьвера на паперти храма Христа Спасителя, оставив записку: «Я умру. Но вы, пожалуйста, не воображайте, что вы причина моего самоубийства. Вы презренное ничтожество и в силу своего ничтожества не можете быть причиной такого великого акта в жизни моей, как её прекращение».

Следствие ведёт...

Ввиду большого общественного резонанса ещё за полтора года до самоубийства следствие было поручено следователю по важнейшим делам Московского окружного суда Николаю Васильевичу Сахарову. Немолодой уже человек (ему шёл 55-й год), он стал следователем в 1866-м одновременно с рождением нового суда.

Это был опытный и неравнодушный судебный деятель, настоящий мастер своего дела, распутавший десятки преступных хитросплетений. Он прекрасно понимал, что сбор достаточных для предъявления обвинения доказательств в данном случае превращается в задачу крайне трудноразрешимую, и пошёл по единственному возможному пути: реконструировать события того злосчастного вечера максимально полно с тем, чтобы убедить присяжных в изначальной злонамеренности Назарова, отвергающей возможность «добровольного соглашения». С этой целью им были собраны характеристики подозреваемого, альфонса и картёжника,

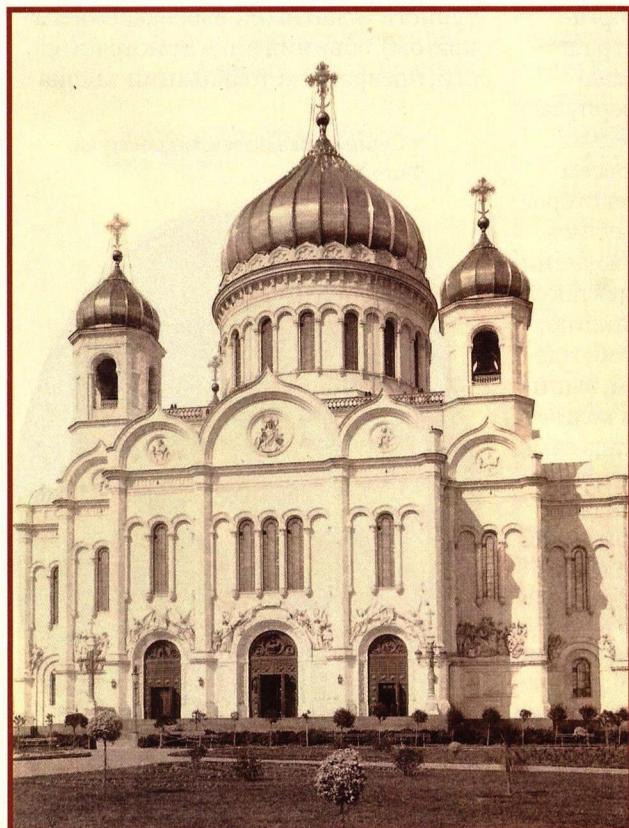
▲ Николай Васильевич Сахаров.
Фото XIX века

и многочисленные свидетельские показания. Кроме того, Сахаров назначил ряд экспертиз, одна из которых заслуживает отдельного рассказа.

Помимо прочего, следователю важно было показать, что Назаров расчётливо воспользовался крайне возбуждённым состоянием начинающей актрисы, переживающей первый сценический успех. С этой целью он обратился к двум артисткам, уже знаменитым, с тем чтобы они помогли это состояние максимально точно описать. Его выбор пал на Марию Ермолову и Александру Глама-Мещерскую.

Это был опытный и неравнодушный судебный деятель

«1884 года, 24 января, судебный следователь Московского окружного суда по важнейшим делам Сахаров, рассмотрев настоящее дело, нашёл, что одной из существенных причин, обусловивших возможность Назарову овладеть Е. А. Черемновой в номерах «Эрмитажа», она ставит крайний упадок физических своих сил вследствие волнений, парализовавших

▲ Мария Николаевна Ермолова.
Фото 1886 года

▲ Александра Яковлевна Глама-Мещерская.
Фото XIX века

нервную систему её как в период ожидания момента первого выступления на сцену, так и в самый этот момент. <...> Так как означеный психический факт, несмотря на общеизвестность его, должен быть в данном случае констатирован удостоверением лиц, находившихся в одинаковом с Е. А. Черемновою психическом положении, что в видах установления вопроса о воздействии первого сценического дебюта на нервную систему, судебный следователь постановил: допросить о том артисток императорского московского театра М. Н. Ермолову и частного театра Лентовского А. Я. Глама-Мещерскую как лиц, по своим летам не утративших ещё, вероятно, воспоминаний о впечатлениях их первых сценических дебютов».

Мария Николаевна оценила это состояние так: «Я помню, ожидания этого рокового в моей жизни момента так волновали меня, скажу больше — так страшили меня, что были моменты, когда я готова была даже отказатьсь от появления на сцену; таким ужасным мне представлялся этот момент! Затем, помню также и то, что, когда спектакль кончился, я вернулась домой в сильном изнеможении как вследствие пережитых волнений, так и вследствие сравнительно

продолжительного пребывания на ногах, в движении, во время самого спектакля».

«Я живо помню, что, когда, после первого появления моего на сцену, приехала я домой, — все предшествовавшие ожидания этого момента и волнения до того потрясли организм мой, что разрешились страшным нервным припадком, вследствие полного упадка сил. Я вернулась без сил, без ног, без голоса, с весьма слабым сознанием, словом, совсем больная, и мне нужно было некоторое время, чтобы силы снова вернулись ко мне. Если же ко всем этим волнениям прибавить танцы после спектакля, а к ним прибавить ещё реакцию, которая, говорят, следует за возбуждением нервной системы вином, выпитым хотя и в незначительном количестве, что я, впрочем, не испытала сама, то я вполне понимаю, как ничтожны были физические силы той бедной особы, о которой вы говорите, для борьбы с напавшим на неё молодым и крепким мужчиной», — откликнулась Александра Яковлевна.

Демарш защиты

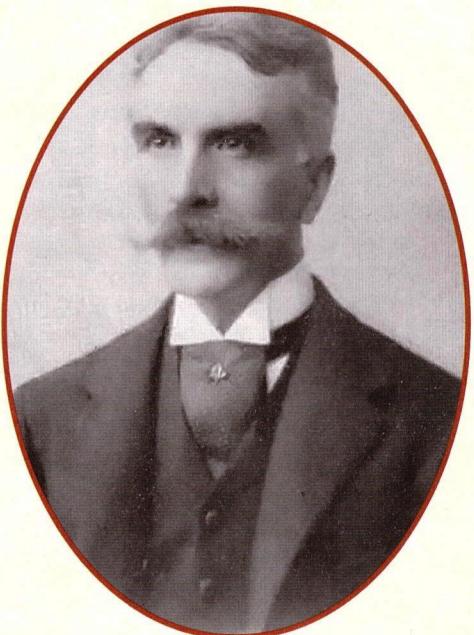
Разумеется, Назаров и защищавший его присяжный поверенный Андреевский пожаловались, назвав экспертизу «эксцентрически-артистической».

Разумеется, Московская судебная палата с их доводами согласилась, и в суде экспертиза оглашена не была. Хотя некоторые юристы и сочли ход Сахарова правильным, большинство профессионалов его всё-таки не поддержали. Впрочем, присяжным вполне хватило всего остального, и Назаров был приговорён к лишению всех прав состояния и ссылке в отдалённейшие места Сибири. Адвокат принёс кассационную жалобу.

Лишение всех прав состояния — дополнительное уголовное наказание в Российской империи. Оно означало потерю всех привилегий, связанных с принадлежностью к определённому сословию, прекращение супружеских отношений, лишение прав собственности на имущество и родительских прав.

В Сенате Андреевский в весьма категоричной форме поставил под сомнение сам принцип доказательства «через личность» и обрушился на следователя Сахарова со всей мощью своего несомненного литературного таланта (он был одарённым поэтом), обвинив его в пристрастности, превратном толковании закона

▼ Сергей Аркадьевич Андреевский.
Фото XIX века

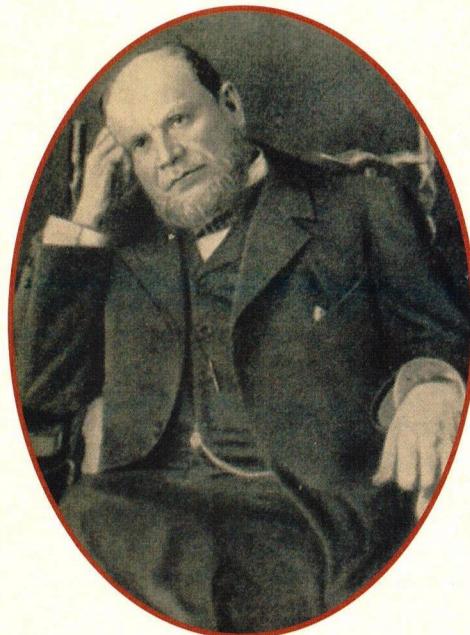

▼ Здание Сената в Петербурге.
Фото 1885–1890 годов

и в конечном итоге некомпетентности. «В самом деле, пагубная односторонность судебных следователей, преимущественно — «по особо важным делам»; безграничные характеристики обвиняемого, исходящие из правила: подавай всё, что есть дурного, лишь бы очернить человека, хотя бы он и не был виноват; фантазёрство и неудержимая словоохотливость экспертов <...> — разве все эти уклонения

▼ Анатолий Фёдорович Кони.
Фото XIX века

не составляют “злобы дня” и разве все они не соединились в этом деле с та-кою силою, что можно и даже следует призадуматься над практикою самого Правительствующего Сената и пересмотреть её и ещё раз взвесить вопрос: может ли всё так продолжаться?..»

Заключение по жалобе давал обер-прокурор уголовного кассационного департамента Сената Анатолий Фёдорович Кони. Его и Андреевского связывала долгая и искренняя дружба, но товарищеские (как и любые другие) отношения в дела Кони никогда не примешивал. Его мнение вполне категорично: существенных нарушений судом допущено не было, оснований для отмены решения окружного суда не находится. Приговор был оставлен в силе. Позже император по ходатайству Назарова смягчил наказание на пять лет полицейского надзора.

Послесловие

Что же касается необычной экспертизы, то Сахарову пришлось выслушать немало неприятных слов. В частности, один из судей в своём особом мнении высказался в пользу порицания следователя, который, по его словам, предпринял попытку «заменить врачей актрисами, сведения об организме Черемновой — рассуждениями актрис о том, чего они сами не знают». Сам Кони, через много лет

«был ли лишён Назаров возможности бороться против показаний свидетелей о личности? Нет. Во-первых, он знал об этих свидетелях и о сущности их показаний за полтора года до судебного заседания; во-вторых, он имел двух защитников, из которых один, принёсший настоящую жалобу, стоял, как видно из протокола, бодро и зорко на защите прав своего клиента, и, в-третьих, Назаров выставил ряд свидетелей в свою защиту и разъяснение дела».

**Из заключения обер-прокурора
А. Ф. Кони по делу**

вспоминая те события, писал: «Нельзя отказать такой экспертизе в оригинальности и нельзя не признать её интересной. Но более чем сомнительно считать её приемлемой вообще и в качестве судебного доказательства в особенности...»

Что касается Андреевского, то он подвергся жесточайшей критике за то, что не просто согласился защищать такого человека в таком деле, но и делал это столь высокопрофессионально и страстно, как если бы и сам был на стороне своего подзащитного...

Император по ходатайству Назарова смягчил наказание

Ну что тут скажешь? Юридическая правота Сахарова, равно как и нравственная — Андреевского, вполне могут оставаться и сегодня предметом спора. Оба они стремились выполнить свою работу наилучшим образом, оба действовали под влиянием глубокого убеждения в собственной правоте. А вот что из этого дела, как и из множества других современных ему, неопровержимо следует, так это то, что в конце XIX века в России существовал суд, который мог не только делать ошибки, но и исправлять их, и анализировать с тем, чтобы они не повторялись. ▼